

пожерла і все – це благородно, а кривляння і пишиномовство для прикриття пожирання – це бридко; звір не соромиться своєї дії, а людина соромиться тощо. Семантику ж зіставлення в цілому тексті окільцьовує «тваринна тема»: люди не тварини, які чесні, благородні, а брудні й дурні свині й барани в циліндрах, виявлення ж цієї семантики ускладнене як поширеністю тексту, так і надзвичайною переплетеністю змістових відношень

Репрезентація зіставного смислу в тексті – досить складна процедура на рівні текстової єдності речень. Для виявлення зіставного змісту в тексті набувають значущості і позамовні, і мовностилістичні особливості компонентів, які складають цей текст. Так, у тексті *Бабій зітхав. Голова його все-таки на стіні спочивала, а очі блукали по стелі, ніби він на небо зазирає.*

– *Задер лоб, як до місяця собака, – казали йому, – і за дівкою вис.*

Мовчав, сумний, що між товаришами не знайшов сповчуття.

Біля нього сидів таки подібний до його, як брат. Лікті на коліна постирав, у землю дивився і крізь зуби цікав.

– *То не жарти, панове, – почав, – жінка – велика річ. Погадайте, Іван Степанович, а...*

– *На Мотрю натякаєш?*

– *А хоч би й на Мотрю. Мало-то гетьман настрадався із-за неї? Погадати лиш, як він Кочубея трапив...*

(Б. Лепкий) зіставлення сформоване на основі ознаки активного/пасивного ставлення двох осіб до кохання. Відтак зіставлення, реалізоване в тексті, може бути редуковане до такого змісту: *Бабій лише зітхає за коханою, а Іван Степанович не лише настрадався (= зітхав), а й борюся за неї (Кочубея трапив).*

Підсумовуючи проведені спостереження, слід вказати на те, що зіставний компонент змісту в текстовій єдності речень підтримується семантикою компонентів, які можуть поєднуватися формальними показниками зіставного зв'язку або поєднуватися безсполучниково. Найелементарнішим виявом зіставного змісту в тексті є ті зразки, де можуть бути виділені зіставлювані лексеми (чи пропозиції, оформлені подібним чином). За відсутності таких вказівок наявність зіставного змісту з'ясовується шляхом більш ґрунтовної й глибинної семантичної експертизи. Бо, як засвідчує дослідження, зіставлення може й не мати вербалізованого компонента, із яким утілена у «форму слова» частина вступає в зіставні відношення.

У зв'язку з цим варто висловити деякі міркування з приводу позиції Г. Крейдліна та О. Падучевої щодо неможливості однозначного з'ясування значення сполучника **а** та, відповідно, визначення природи відношень між частинами складних речень такого типу: *Хозяйка велела мне почистить рыбу, а я начал с хвоста; Его схватили и увели, а он сопротивлялся (не сопротивлялся); Однажды Максим нарочно положил в таз с грязной водой несколько стаканов, а я выплеснул воду за борт; Мы сдавали экзамен по истории, а я решил прийти последним; Он оглянулся, а собака стоит у ворот; Я вышел, а милиционера попросили пойти за мной* [4, с. 36]. Дійсно, характеристики пропозицій, які об'єднуються у складносурядні конструкції зі сполучником **а** настільки різнопланові й несподівані, що лише за допомогою трансформації вдається виявити наявність того чи іншого типу відношень між частинами. Так, наприклад, у реченні *Его схватили и увели, а он сопротивлялся (не сопротивлялся)* є семантика допустовості, пор.: *Его схватили и увели, хотя он сопротивлялся (не сопротивлялся)*. Подібні операції можуть бути проведені потенційно й з усіма іншими реченнями, що стане ще одним доказом дієвості закону асиметрії форми і змісту. Проте, на нашу думку, все ж є спільний компонент, який об'єднує усі ці конструкції. Асиметрія форми і змісту в них породжена еліптичними компонентами, які були присутні або з'являються в контекстах, із яких ці речення вилучені. Лише за такої умови ці речення набудуть смислової доцільності й формальної умотивованості. Окрім того, можливим чинником специфічного використання сполучних засобів певної семантики, яка не реалізується на інших рівнях організації речення, зокрема у семантиці частин конструкції, є їх приналежність до конструкцій, притаманних розмовному синтаксису. Це ще раз підтверджує виправданість і наукову виваженість вивчення речень не лише як абстрактних, вирваних із контексту синтаксичних одиниць, але й як частин більш високого рівня організації – тексту.

Джерела і література

1. Вихованець І. Р. Граматика української мови. Синтаксис. – К.: Либідь, 1993. – 368 с.
2. Загнітко А. П. Теоретична граматики української мови. Синтаксис: Монографія. – Донецьк: ДонНУ, 2001. – 662 с.
3. Загнітко А. П. Теорія сучасного синтаксису: Монографія. – Донецьк: ДонНУ, 2001. – 294 с.
4. Крейдлин Г. Е., Падучева Е. В. Взаимодействие ассоциативных связей и актуального членения в предложениях с союзом **а** // Научно-техническая информация. Серия 2. Информационные процессы и системы. – 1974. – № 9. – С. 31-37.
5. Шульжук К. Ф. Синтаксис української мови: Підручник. – К.: Видавничий центр «Академія», 2004. – 408 с.

Гришина Т. В.

ВАРИАТИВНОСТЬ ДИКТОРСКИХ РЕАЛИЗАЦИЙ ИНИЦИАЛЬНЫХ ГЛАСНЫХ В СМИ ГЕРМАНИИ

В XXI веке трудно переоценить роль средств массовой информации в образовании стереотипов, формирующих общественное и языковое сознание. Проблема медиавоздействия и специфики СМИ приобретает в наше время первостепенное социальное значение, ибо «влияние СМИ на формирование языковых личностей очень существенно» [7, с. 5]. Текст, рожденный и распространенный средствами массовой информации – это не просто реализация коммуникативной и когнитивной функции языка, это формирование личности, национального характера, то есть воспитание молодого поколения, как правило, оценивающего речь СМИ как образцовую.

Языковая ситуация продолжает складываться таким образом, что все больше возрастает влияние СМИ на язык как систему. Формирование представлений о языковой норме и речевой культуре происходит на основе устной речи, образцом которой становится язык средств массовой информации. К основным чертам, характерным для языка СМИ сегодня, относятся: усложнение сфер речевой коммуникации, прежде всего с помощью Интернета, где развиваются новые виды текста и все чаще используется звучащая речь (например,

«VoIP» – «Voice over Internet Protocol»), расширение нормативных границ языка массовой коммуникации, следование речевой моде.

В условиях демократии и идеологического плюрализма решающим фактором языкового узуса и отчасти языковой нормы является образцово-эстетический, вкусовой параметр, проявляющий себя в моде. Мода, являясь механизмом социально-психологической регуляции человеческого поведения, представляет собой коллективное, массовое подражание регулярно появляющимся новинкам.

Мода как регулятор культурно-речевого поведения ярче проявляется в том обществе, которое динамично, открыто, мобильно и избыточно, то есть в нем присутствуют разнообразные и конкурирующие культурные образцы, между которыми можно осуществлять выбор. Мода, являясь крайним проявлением вкуса, быстро преходящим, бросающимся в глаза, реагирует на самые яркие языковые изменения, свидетельствующие о развитии языка. А когда язык развивается динамично, норма также характеризуется большей вариативностью и гибкостью [2, с. 32-33].

При исследовании процессов нормализации важно признать, что норма – это не застывшее, а подвижное, гибкое явление, подверженное изменениям. Кроме того, если норму понимать широко как «традиционно и стихийно сложившиеся способы речи» (Л. П. Крысин) и считать ее не запретом, а выбором, то можно говорить о том, что в СМИ вырабатываются собственные стилистические нормы использования языка. Из предоставляемых языком вариантов журналист отбирает те средства выражения, которые целесообразны для решения стоящих перед СМИ коммуникативных задач [5, с. 76].

СМИ становятся в наше время основным источником, генерирующим и распространяющим норму. Они фактически контролируют языковую норму, придавая отдельным элементам особый вес, принижая ценность других. Радио и телевидение сыграли активную роль в распространении наддиалектной формы, взяв на себя функцию формирования языкового эталона на всех уровнях языка, включая, в первую очередь, произносительный уровень [10, с. 15].

В последние десятилетия изменилось соотношение между печатными и электронными разновидностями языка СМИ. Увеличился удельный вес звучащей речи. Это объясняется прежде всего интенсивным развитием таких электронных СМИ, как радио, телевидение, а также Интернета. Происходит формирование огромного речевого массива, который специалисты назвали устной публичной речью. К ней следует отнести информационные, развлекательные и познавательные теле- и радиопередачи, выступления политических деятелей, публичные дискуссии на различные темы, ток-шоу, игры, конкурсы и т. д. Все эти речевые произведения предназначены для массовой аудитории и тиражируются с помощью электронных СМИ [4, с. 176].

Устная публичная речь строится на основе кодифицированной нормы, соответственно звучащая речь дикторов радио и телевидения, ориентированная на произносительный стандарт, представляет, на наш взгляд, реальную норму.

Как отмечал Т. Зибс еще в 1931 г., задачей немецкого радио является, в первую очередь, распространение научных, художественных и экономических идей на достойном, безупречном, понятном немецком языке, который является отражением культуры немецкого народа [12].

В информационных и познавательных теле- и радиопередачах речь дикторов представляет собой, по сути, озвучивание печатного текста для другого реципиента и может характеризоваться набором отличительных фонетических характеристик, свойственных для озвучиваемого чтения, направленного сугубо на восприятие. Диктор в данной ситуации выступает медиатором между составителями информационного текста и его реципиентами (слушателями, зрителями). В подобной ситуации дикторская речь может рассматриваться как квазипрочтенная, что отражается в термине *read speech* [1, с. 3].

При проведении нами перцептивного анализа дикторской речи мы обнаружили широкую вариативность реализации инициальных гласных в речи дикторов государственного радио- и телевидения Германии «Немецкая волна» («Deutsche Welle»), представляющей произносительный стандарт (Standardaussprache, Standardlautung) [9; 11]. Материалом для исследования нам послужили звукозаписи выпусков последних известий и различных информационных программ «Немецкой волны» за период с сентября 2006 по июнь 2007 года. При этом учитывалась специфическая особенность немецкого вокализма, проявляющаяся в наличии гортанного приступа инициальных гласных, в частности *в начале слога*, где проявляется высокая степень вариативности.

Глоттальная окклюзия или гортанный приступ состоит в том, что слово, начинающееся с гласного, не сливается с предшествующими словами в непрерывно звучащее словосочетание, как это, к примеру, имеет место в русском, украинском, французском и других индоевропейских языках. Этот гортанный приступ является наиболее частотной формой в абсолютном начале слова и слога и обнаруживает большое количество вариантов произношения в реальной норме, то есть в речи дикторов.

Одним из фундаментальных свойств языка является его вариативность, ибо когда язык развивается динамично, норма также характеризуется большей вариативностью и гибкостью, она «...определяет характер использования различных возможностей, заложенных в системе» [3, с. 13]. Вариативность наиболее ярко проявляется на фонологическом уровне, где благодаря строго ограниченному множеству единиц легко проследить количественные и качественные модификации звуковых репрезентантов. Вариантность речи приводит к тому, что в речевой деятельности говорящие все время стоят перед выбором одного варианта из ряда возможных. Поэтому существование вариантов всегда характеризуется внутренней динамикой, колебаниями, сдвигами и перемещениями в их взаимоотношениях, что вызывает семантические и/или стилистические расхождения вариантов, изменения в их частотности, наконец, утрату отдельных вариантов.

В результате проведенного сопоставительного анализа нами была зафиксирована высокая степень вариативности в области реализации глоттальной окклюзии как в рамках кодифицированной, так и внутри реальной нормы. Кодифицированная норма представлена в двух словарях немецкого произношения: *Großes Wörterbuch der deutschen Aussprache (GWdA)* и *Duden – Aussprachewörterbuch (Duden)*.

Таб. 1 Виды приступов инициальных гласных в кодифицированной и реальной норме

Кодифицированная норма	Реальная норма
U'kr [ae] ne Ukr [α· ' i:] ne	28,4 % (228)* 0% (0) Ukr [α· l' i:]ne 71,6 % (576)
Venez [u· 'e:] la Vene'z [üe:] la	0% (0) 0% (0) Venez [u· 'e:] la 77,2 % (528) 'Venez [u·e:] la 22,8 % (156)
vir't [üε] ll virt [u· 'ε] ll	0 % (0) 21,4 % (129) 'virt [u·ε] ll 7,2 % (86) 'virt [u· ε] ll 71,4 % (430)

*В скобках указано количество реализаций данного варианта.

Ярким примером является реализация слова *Venezuela*. Обращает на себя внимание доминирование в речи дикторов вариантов с глоттальной окклюзией: *Venez [u· 'e:] la* – 77,2 % и *'Venez [u·e:] la* – 22,8 %.

На современные средства массовой коммуникации не могла не повлиять глобализация, которая в системе языка сопровождается, в первую очередь, переключением и смешиванием кодов, иноязычными вкраплениями, процессами заимствования. Очень часто используются англоязычные эквиваленты для наименования общественно важных реалий [6, с. 174]. Так, в речи дикторов часто встречаются такие англицизмы как *Boeing, on-line, Happy-End, Green Peace, Make-Up*. Некоторые из слов иностранного происхождения также имеют несколько вариантов произношения, указывающих, по нашему мнению, на различные степени их онемечивания.

Таб. 2 Реализация глоттальной окклюзии в словах иностранного происхождения

	GWdA	Duden
Week-End	['üi:k εnt]	['vi:k εnt]
Make-up	[meik 'ap]	[me:k 'ap] ['me:k ap]
Happy-End	[hɛpi· 'εnt]	[hɛpi· 'εnt]

Из вышеприведенных примеров видно, что в речи дикторов реализуются два варианта английского слова *Make-up*: [meik 'ap] и ['me:k|ap]. Второй вариант произносится с глоттальной окклюзией, являющейся уникальной особенностью немецкой артикуляционной базы и отсутствующей в английском произносительном стандарте. Нами было также установлено, что глоттальная окклюзия реализуется дикторами не только в онемеченных словах, таких как [me:k 'ap], [hɛpi· 'εnt], но также в слове ['üi:k |εnt], где в первом слого еще сохранилась английская фонема. Второй слог уже является полностью онемеченным, о чем свидетельствует наличие глухого согласного в конце слова.

В ходе проведенного исследования мы пришли к выводу, что речь дикторов государственного теле- и радиовещания «Немецкая волна» характеризуется большой вариативностью: многие слова имеют несколько вариантов произношения (как с гортанной смычкой, так и без нее). Можно предположить, что в немецком языке *возрастает* тенденция к употреблению глоттальной окклюзии при произнесении инициальных гласных, что, по нашему мнению, отвечает естественным законам немецкой артикуляционной базы.

Звуковые реализации звучащего информационного текста еще недостаточно изучены, поэтому исследование вариативности немецкого произносительного стандарта представляется весьма актуальным, ибо реальная норма, представленная в речи дикторов, может являться «предвестницей новых правил» [8, с. 89], а значит, быть отправной точкой для дальнейшего развития языка. Ведь в наше время именно СМИ являются основным источником, генерирующим и распространяющим норму, формирующим языковой эталон на всех уровнях языка, в первую очередь, на произносительном уровне.

Источники и литература

1. Васильченко Е. Г. Функціонування алофонів фонем /r/ у мовленні дикторів Німеччини 1923-2003 рр. (інструментально-фонетичне дослідження): Автореф. дис. ... канд. філол. наук. – Одеса, 2004. – 22 с.
2. Вепрева И. Т. Мода и норма в современной культурно-речевой ситуации // Проблемы языковой нормы. – М., 2006. – С. 31-34.
3. Вербичкая Л. А. Русская орфоэпия. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. – 123 с.
4. Егوشина Н. Б. Средства массовой информации (СМИ) – важнейший социологический фактор формирования языковой и речевой культуры // Речевая коммуникация на современном этапе: социальные, научно-теоретические и дидактические проблемы. – М., 2006. – Ч. 1. – С. 175-177.
5. Кормилицына М. А. Узуальные нормы текстов современных газет // Проблемы языковой нормы. – М., 2006. – С. 75-77.
6. Кузнецова Т. В. К вопросу о специфике современных средств массовой коммуникации // Речевая коммуникация на современном этапе: социальные, научно-теоретические и дидактические проблемы. – М., 2006. – Ч. 1. – С. 172-175.
7. Сиротинина О. Б. Социолингвистический фактор в становлении языковой личности // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. – Волгоград – Саратов: Перемена, 1998. – С. 3-9.
8. Breindl E., Thurmair M. Wie viele Grammatiken verträgt der Lerner? Zum Stellenwert einer «Grammatik der gesprochenen Sprache» (nicht nur) für Deutsch als Fremdsprache // DaF, H.2.– Herder-Institut, Leipzig. – 2003. –S. 87-93.
9. Duden. Das Aussprachewörterbuch. Bd.6 (6. Aufl.) – Mannheim/ Leipzig/ Wien/
10. Zürich: Dudenverlag, 2005. – 860 S.
11. Franke W. Massenmediale Kommunikation und linguistische Gesprächsanalyse // Gebrauch der Sprache. – Münster, 1995. – 449 S.
12. Großes Wörterbuch der deutschen Aussprache / Krech E.M. u.a. – Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1982. – 600 S.
13. Siebs Th. Rundfunkaussprache. Im Auftrag der Reichs – Rundfunk – Gesellschaft. – Berlin, 1931. – 108 S.